

Нынешней ночью Сунь Жу поспешно переметнулся на сторону начальника исключительно из-за той фальшивой записки с признанием, которую Лэ Уя подсунул ему под нос.

Вплоть до самой секунды открытия судебного зала заместитель терзался смутными сомнениями, правильный ли лагерь он выбрал в этой игре.

Однако стоило уездному судье с леденящей уверенностью в голосе вымолвить слово «вскрытие», как вся кровь в жилах Сунь Жу в один миг превратилась в ледяное крошево.

Если этот изнеженный барин действительно обладает познаниями в медицине и умеет читать знаки на костях... По какой причине он все эти полгода молчал и прикидывался дурачком?

Неужто этот негодяй все это время сознательно разыгрывал из себя затаившегося дракона, тайно наблюдая за их действиями из своего угла и крутя местным чиновничеством как безвольными марионетками ради собственной забавы?

Не обращая ни малейшего внимания на ураган страха и паники, бушевавший в душе своего заместителя, Лэ Уя властно выкрикнул:

— Секретарь судебного приказа Чжан Юаньчжэн, незамедлительно доставь в зал архивные свитки по делу о гибели Чан Сяоху!

Писарь Чжан испуганно перевел взгляд на Сунь Жу, однако тот никак не отреагировал на его немой призыв о помощи. Секретарю ничего не оставалось, кроме как с дрожащими коленями поспешить в архив за бумагами.

Лэ Уя тем временем неторопливо подошел к носилкам с останками.

За прошедшие полгода плоть Чан Сяоху изрядно истлела, отчего череп полностью отделился от шейных позвонков. Зрелище белеющих костей, увенчанных клоками грязных, всклокоченных волос, было поистине жутким и пугающим.

Однако Лэ Уя склонился над мертвецом с абсолютно бесстрастным лицом. Его острый взгляд методично скользил по макушке черепа, костям предплечий и бедер усопшего.

Тщательно, косточка за косточкой, изучив останки, Лэ Уя выпрямился и отдал два коротких приказа:

— Зажечь в зале заседаний пять дополнительных масляных светильников, а также незамедлительно принести из кухни несколько чанов с кипящей водой.

Стражники цепочкой бросились исполнять волю начальника.

Вскоре в помещении прибавилось огня, и судейский зал стал светлым и ярким, точно в погожий полдень.

В этот же момент в зал, тяжело дыша от спешки, вернулся писарь Чжан, судорожно прижимая к груди пожелтевшие свитки прежнего следствия.

Лэ Уя коротко бросил:

— Читай вслух.

Писарь Чжан то и дело бросал полные отчаяния взгляды на Сунь Жу, однако вся его немая мольба о помощи разбивалась об абсолютную стену безразличия.

Заместитель судьи застыл на своем месте подобно каменному изваянию: его взгляд был устремлен на собственный нос, а разум — на созерцание сердца. Он не проронил ни звука.

От такого предательства у секретаря Чжана внутри все окончательно похолодело.

Да что же, в самом деле, произошло за один-единственный этот день?!

Писарю ничего не оставалось, кроме как, стиснув зубы, усердно зачитать по указке:

— Покойный Чан Сяоху... из уст и носа сочетал водяную пену, в утробе вздутие от влаги. Кожа в ранах и кровоподтеках, кои при освидетельствовании признаны повреждениями от сучьев и камней. Наступила смерть от падения в воду и последующего утопления.

Лэ Уя холодно процедил:

— И это все?

Писарь Чжан:

— Да...

Лэ Уя пренебрежительно хмыкнул.

Какой умелый коронер.

Одной куцей, состряпанной наспех фразой взял да и вынес окончательное решение о жизни и смерти человека.

Он повернулся и задал вопрос тетушке Су, которая все так же ниц лежала на полу:

— Вдова Су, раз уж ты не пожелала покинуть судебный зал, у Вашего судьи есть к тебе пара вопросов. Когда ты предавала тело земле, прикасалась ли ты сама к останкам Чан Сяоху?

Тетушка Су вскинула голову и безучастно ответила:

— Тело моего Сяоху я обмывала саморучно.

Она лично смывала грязь с его кожи и переодевала в чистое погребальное платье, не перепоручая эту скорбную заботу чужим рукам.

— А кто помогал тебе при погребении?

Тетушка Су медленно вымолвила:

— Несколько соседей по уездной улочке... Кузнец Цзян, что живет прямо за моей стеной, да плотник Юй...

— Когда гроб везли на погост, были ли какие-то случайные удары или падения?

Тетушка Су ненадолго задумалась и отрицательно покачала головой.

Лишившись единственного сына и получив от рудника те монеты, она попросила плотника Юя продать ей готовый дощатый гроб, после чего пришла в управу забрать тело ребенка.

Эти два добросердечных семейства прекрасно знали, какая горькая и одинокая доля ей выпала. Они с величайшей осторожностью помогли уложить тело в гроб и бережно донесли его до родового кладбища Чан, где и предали земле.

Жены кузнеца Цзяна и плотника Юя тоже всю дорогу неотлучно следовали рядом, боясь, как бы убитая горем вдова не наложила на себя руки в беспамятстве, и без умолку утешали ее.

Пять человек, десять живых глаз — и все они воочию видели, как благополучно и без сучка без задоринки упокоился Чан Сяоху.

Лэ Уя удовлетворенно кивнул:

— Стража, незамедлительно пригласить этих четверых свидетелей в зал заседаний.

Надо же было случиться такому совпадению: кузнец Цзян сегодня лично видел, как тетушка Су в ярости примчалась к управе колотить в набатный барабан. Опасаясь, как бы с одинокой соседкой не стряслось беды, он велел своей жене, урожденной Ли, пойти следом да приглядеть за ней.

Женщина как раз стояла в самых задних рядах зевак у ворот, в сильной тревоге приподнимаясь на цыпочки и пытаясь разглядеть происходящее, когда ее внезапно вызвали на судейский помост.

Она в сильном трепете преклонила колени прямо за спиной тетушки Су, отвесила земной поклон и больше не осмелилась вымолвить без спроса ни единого слова.

Остальные стражники тем временем поспешили за оставшимися тремя свидетелями.

Лэ Уя указал длинным пальцем на полуприоткрытый рот покойного Чан Сяоху, сквозь зубы которого что-то тускло поблескивало:

— Что за вещи скрываются у него меж зубов?

Тетушка Су едва слышно вымолвила:

— Одна жемчужина да еще небольшая нефритовая плашка.

Когда Лэ Уя мгновение назад осматривал останки, его острый взор сразу заметил эти предметы.

То были традиционные обрядовые подношения, я-шэ. Живые кладут их в рот усопшему как благое напутствие и символ надежды на то, что в следующем перерождении душа обретет счастливую и богатую жизнь.

При воспоминании о дне похорон слезы тетушки Су вновь покатались из глаз сплошной чередой.

Она до сих пор отчетливо помнила, как дрожащими пальцами проталкивала жемчуг и нефрит в рот своему мальчику, непрерывно причитая и шепча над ним сквозь рыдания:

«Сынок мой, в следующей жизни можешь и не рождаться в чертогах князей да знатных господ, но уж выбери долю понадежнее, присмотрись получше да родись в крепком, зажиточном доме... Главное — не возвращайся больше к своей нищей матери».

— В какой лавке ты покупала эти подношения? — строго спросил Лэ Уя.

Она совершенно растерянно пробормотала:

— В ювелирной лавке в южной части города... Что зовется «Цзинь-цзи»...

— Ведется ли в той лавке учет проданного товара?

Видя, что тетушка Су совсем лишилась сил и едва соображает от горя, сидевшая позади жена кузнеца набралась дерзости и громко ответила вместо нее:

— Ведется, ведется, господин судья! В лавке «Цзинь-цзи» на всякую проданную вещь обязательно делают запись в приходных книгах. Ваша покорная слуга лично сопровождала вдову Су в тот день, ювелиры совершенно точно сохранили архивную запись!

Лэ Уя веско обронил «угу», после чего поднялся со своего места. Заложив руки за спину, он неторопливо прошел мимо стола писаря и лениво скомандовал:

— Заноси в протокол.

Писарь тут же яростно заскрипел кистью по бумаге, ведя дотошную запись.

— Согласно древним канонам и ритуалам, для обряда достаточно положить в рот покойному лишь один-единственный предмет, — Лэ Уя остановился и в упор посмотрел на вдову. — По какой причине тебе вздумалось запихать в рот сыну сразу две поминальные вещи?

Тетушка Су в одно мгновение лишилась дара речи, не зная, как ответить на этот вопрос.

В тот страшный день ее разум был затуманен куда сильнее, чем сейчас, и она сама напрочь позабыла, под влиянием каких мыслей или чьих советов заставила сына сжать зубами и жемчуг, и нефрит одновременно.

Лэ Уя не стал спешить и подталкивать ее к какому-либо ответу. Вместо этого он спокойно извлек пару тонких перчаток из окровавленного сундучка с инструментами коронера Шана. Подняв полусгнивший череп усопшего, он поднес его к яркому пламени светильников и принялся дотошно разглядывать на просвет.

Урожденная Ли резко выдохнула от ужаса и мертвенной хваткой вцепилась в правую руку тетушки Су. Женщина до смерти боялась, как бы несчастная мать в порыве слепой любви к сыну не бросилась защищать его кости и не оскорбила уездного начальника.

В древней империи за подобный бунт на суде под статью о соучастии могла загреметь вся их улочка, а с такими вещами шутки плохи!

Однако тетушка Су даже не пошевелилась, дабы помешать осмотру.

Материнским чутьем она отчетливо видела: господин судья вовсе не глумится над прахом ее Сяоху, а пытается отыскать на костях какую-то очень важную веху.

Среди собравшихся у ворот обывателей в этот момент поднялось сильное волнение. Одни в ужасе отпрянули назад, другие же, напротив, изо всех сил вытягивали шеи вперед, пытаясь разглядеть детали. В зале заседаний у ворот едва не вспыхнула потасовка.

Дежурные стражники уже занесли жезлы, собираясь зычным криком приструнить крикунов, как вдруг раздался ровный голос Лэ Уя:

— Стража, пригласите на судейский помост троих горожан, что стоят в самых первых рядах толпы.

Зажатый впереди всех Цзян Хэ: ...

Оказавшись перед судейским столом, гвардеец робеть не стал. Он бросил один профессиональный взгляд на кости черепа, и в его разуме мгновенно сложилась четкая картина.

Пользуясь тем, что весь зал был залит ярким светом масляных ламп, он принялся пристально разглядывать лицо судьи Вэньжэнь Юэ.

В сиянии факелов Цзян Хэ вновь показалось, что цвет зрачков у этого чиновника весьма необычен.

Однако не успел он досконально изучить его черты, как уездный начальник, словно почуяв чужой пронзительный взор, резко перевел глаза прямо на него.

Гвардеец поспешно и невозмутимо опустил веки. Он мысленно одернул себя: если бы его молодой генерал действительно решил переродиться в новом теле, сейчас он бы наверняка был совсем крошечным малым, который бегают в коротких штанишках да забавляется с погремушками. С чего бы суровому воину являться в этот мир в облике хлипкого гражданского чинуши и ковыряться в гнилых костях на глазах у толпы?

Пока он пребывал в глубоких думах, один из стоявших рядом наглых зевак во всеуслышание зычно заорал:

— Ой, глядите-ка! На этой кости трещина огромная, сквозь нее даже свет от лампы пробивается!

Те, кто осмелился протиснуться в первые ряды к мертвецу, трусостью явно не отличались.

Они без всякого страха принялись разглядывать останки, и второй горожанин тут же громко поддакнул:

— Точно-точно! На затылке кость внутрь вогнута, будто вмятина от удара! По всему видно, парня до смерти зашиб кто-то!

— То, что без труда способны разглядеть и понять даже неграмотные простолюдины, наш почтенный коронер Шан почему-то в упор не заметил и не занес в бумаги, — в голосе Лэ Уя зазвучала ядовитая, неприкрытая насмешка. — Коронер Шан, а мастерство-то твоё, как я гляжу, гроша ломаного не стоит.

Шан Цзюньцай предпринял отчаянную попытку оправдаться:

— В тот день над уездом бушевала страшная гроза и лил проливной дождь! Чан Сяоху по чистой случайности оступился и рухнул в бурный поток, где его голову могло со всей силы размозжить о прибрежные камни! В таком исходе дела нет ничего противоестественного или подозрительного!

Лэ Уя среагировал молниеносно, в один миг разбив его доводы в пух и прах:

— Раз это дело обычное, по какой причине ты, коронер Шан, умышленно утаил эту деталь и не сделал о ней ни единой записи в официальном свитке?

— Подобный пролом черепа сам по себе является смертельным увечьем. Однако в архивных бумагах у нас дотошно расписано, как сучья деревьев и мелкая галька оставили царапины на его коже, а вот на то, чтобы зафиксировать сокрушительный удар по затылку, у тебя почему-то не хватило ни чернил, ни совести...

Лэ Уя резко взмахнул широким рукавом халата, и в этом жесте помимо воли проглянуло былое величие могущественного канцлера империи, привыкшего казнить и миловать:

— Из увиденного следует, что подлинная причина кончины Чан Сяоху до сих пор покрыта мраком: испустил ли он дух от утопления, или же его жизнь оборвалась от подлого удара по голове — суду лишь предстоит выяснить. Так на каком основании ты, коронер Шан, посмел размашистым росчерком кисти вынести окончательный вердикт и закрыть дело под видом несчастного случая на воде?!

Коронер Шан намертво стиснул зубы. Он принял решение стоять на своем до самого конца, упорно отказываясь признавать вину.

Стоит ему сейчас дрогнуть и во всеуслышание покаяться в подлоге, и его судебная карьера

будет разрушена безвозвратно.

Он верой и правдой служил в канцелярии Цзиньчэна целых пятнадцать лет, этот теплый казенный кусок хлеба кормил его половину жизни, и позволить начальнику расколоть эту чашу он не мог ни при каких обстоятельствах!

Он упрямо выкрикнул:

— Судья! У покойного Чан Сяоху на губах и у носа выступила обильная водяная пена, что является неопровержимым признаком гибели в воде! Ваш слуга занимается вскрытием трупов пятнадцать лет и за это время ни разу не допустил промашки в суждениях!

Раз уж с момента погребения миновало полгода, а фраза о «водяной пене на губах» была четко зафиксирована черными чернилами на официальной гербовой бумаге уезда, то без веских свидетельств со стороны доказать обратное было попросту невозможно: Чан Сяоху для всех инстанций оставался обычным утопленником!

Лэ Уя лишь лениво повел рукой, повелевая троем свидетелям из толпы сойти с помоста.

— Ни разу не допустил промашки? — Лэ Уя неторопливо вернулся в свое судейское кресло и устремил на него тяжелый взгляд. — Коронер Шан, изволь запомнить эти слова, ведь ты сам только что произнес их перед всем уездом.

Он перевел взор на тетущку Су и сидевшую позади нее жену кузнеца.

Обе женщины испуганно прижались друг к другу в самом дальнем углу судейского зала и о чем-то взволнованно, едва слышно шушукались между собой.

Растерянность и паника на лице тетущки Су постепенно сменялись осознанием какой-то важной мысли.

Они одновременно вскинули головы на Лэ Уя, в их глазах читался сильный трепет, обе явно порывались что-то сказать, но не находили в себе смелости.

Лэ Уя веско оборвал их сомнения:

— Говорите прямо и без утайки.

Тетущка Су открыла было рот, но от нахлынувшего горя не смогла вымолвить ни звука.

Она сокрушенно провела полным слез взором по останкам своего Сяоху, после чего поспешно

отвернулась в сторону, а ее плечи судорожно затряслись от плача.

Видя, что соседка лишилась дара речи, урожденная Ли не выдержала и торопливо заговорила вместо нее:

— Судья! Тут... тут такое пустяковое дело открылось... Вы ведь мгновение назад изволили выпрашивать, за какие грехи мы запихали в рот покойному Сяоху сразу две поминальные вещи? Когда стряслась эта беда, на нашей улочке все так и забежали, у всех голова кругом шла. Ваша покорная слуга в те дни ни на шаг не отходила от сестры Су и помогала обустраивать похороны. Я до сих пор отчетливо помню, как мы пришли в ювелирную лавку за обрядовыми дарами, и тамошний приказчик принялся нахваливать товар. Мол, если вложить мертвецу в ладонь кусок нефрита, в следующем перерождении он непременно станет знатным да талантливым мужем. А если заставить его сжать зубами жемчужину, душа его вовек не узнает голода и нужды. Мы монеты отдали, принесли вещи в дом и хотели все сделать как положено по науке. Да только когда мы принялись обрядовать Сяоху в последний путь, обнаружилось, что обе его ладони были расправлены, а пальцы окоченели настолько, что их и с места сдвинуть было невозможно! Мой собственный муж несколько раз пытался аккуратно разогнуть ему пальцы, да только испугался, что сгоряча переломает кости мертвецу, а потому оставил это дело. Мы на улочке всем миром судили-рядили и рассудили так: раз пальцы не зажать, давай запихаем и жемчуг, и нефрит ему прямо в рот. Лишь бы... лишь бы наш мальчик в следующей жизни хоть раз досыта наелся...

— Имеются ли у суда иные свидетели, способные подтвердить твои слова? — строго спросил Лэ Уя.

Урожденная Ли поспешно закивала головой:

— Имеются, имеются! Супруга плотника Юя, сестра Мо, в тот день тоже неотлучно находилась в комнате! Она все видела и может подтвердить каждое мое слово перед судом!

Лицо коронера Шана, которое и до этого было бледным от невыносимой боли в сломанной ноге, после этих слов окончательно потеряло остатки красок, став белым, точно саван мертвеца.

И надо же было такому случиться: стоило женщине вымолвить имя свидетельницы, как дежурные стражники как раз завели ее в судебный зал.

Плотник Юй вместе со своей женой, сестрой Мо, как раз только что закончили дневную работу. Едва они вышли за ворота мастерской, как до них донеслись слухи, будто тетушка Су вновь примчалась в управу искать суда над обидчиками. Супруги никак не могли взять в толк, что за беда стряслась, и принялись взволнованно обсуждать новость прямо на углу улицы, где их и заприметили посланные стражники. Служители закона тут же опознали свидетелей и без лишних церемоний увлекли их обратно в ямынь.

Сестра Мо поначалу совершенно не понимала, к чему ее привели, однако стоило Лэ Уя в упор

спросить ее, по какой причине в рот Чан Сяоху были вложены сразу две поминальные вещи, она мгновенно припомнила тот прискорбный случай.

Женщина принялась активно жестикулировать, высоко подняв раскрытую ладонь перед судейским столом:

— Вот именно так, господин судья, у Сяоху ладонь-то и была полностью расправлена!

Эти люди не имели возможности заранее сговориться и сопоставить свои речи, однако все мельчайшие подробности их рассказов совпали до единой черты.

Подобное свидетельство имело полную законную силу.

В сильном трепете коронер Шан приподнял голову, и его полный ужаса взгляд нос к носу столкнулся с пронзительным взглядом Лэ Уя.

Лэ Уя леденящим тоном спросил:

— Коронер Шан, ты ведь долгие годы занимаешься уголовным сыском. Глава «Утопление» из канонического трактата «Сиюань цзилу», надо полагать, зазубрена тобою до последнего иероглифа?

У Шан Цзюньцая отнялся язык, и он не смог вымолвить ни слова.

— Не помнишь? В таком случае твой судья зачитает ее тебе на память. «Если человек упал в воду живым, у трупа рот будет плотно сомкнут, глаза то приоткрыты, то закрыты, а ладони обеих рук непременно сжаты в крепкие кулаки. Если же мертвое тело бросили в воду, то пальцы останутся прямыми, очи сомкнутыми, а во чреве обнаружится сильное вздутие от хлынувшей влаги»...

Лэ Уя застыл, не сводя с него пристального взгляда:

— Ты во всеуслышание заявил, будто Чан Сяоху погиб от утопления. Так скажи мне: с каких это пор у задохнувшихся в воде людей ладони сами собой расправляются, а пальцы выпрямляются?

Речь Лэ Уя становилась все быстрее и напористее:

— В архивном свитке за твоей подписью сказано, что все признаки на теле Чан Сяоху точь-в-точь соответствуют гибели в воде. Царапины на коже ты списал на речную гальку и сучья, а старые затянувшиеся шрамы объявил следами материнских побоев в воспитательных целях. Однако, Шан Цзюньцай, о сокрушительном проломе черепа, ставшем для несчастного парня

смертельным увечьем, ты умышленно умалчиваешь! О том, что раскрытые ладони покойника напрочь опровергают твою версию об утоплении, ты тоже не проронил ни слова! Вместо этого ты с честным видом принялся разглагольствовать о водяной пене на губах, свято веря, будто за полгода плоть Чан Сяоху полностью истлеет и никто в поднебесной больше не сможет уличить тебя в подлоге?!

— В те дни как раз бушевали летние грозы, и речные воды были мутными от грязи. Если бы Чан Сяоху действительно упал в бурный поток, еще сохраняя дыхание, его рот и носоглотка неизбежно забились бы речным песком и илом. И как бы тщательно тетушка Су ни обмывала тело сына, вычистить внутренние пазухи ей было бы не под силу. Неужто ты хочешь, чтобы Ваш судья прямо сейчас велел ошпарить эти кости крутым кипятком, дабы мы все воочию узрели, хлынет ли из глазниц и носовой полости покойника болотная грязь?!

Шан Цзюньцаю больше нечем было крыть. Он окончательно обмяк и повалился на пол, едва не лишаясь чувств от дикого страха.

Лэ Уя закричал со всей судейской суровостью:

— Чан Сяоху принял лютую, безвинную смерть, и в этой несправедливости целиком и полностью виноват ты один! Пользуясь своими познаниями в лекарском деле, ты без зазрения совести сфабриковал судебные свитки, дабы ввести в заблуждение несчастную вдову Су, заставить ее поверить в несчастный случай и забрать иск! Страшно даже помыслить, сколько подобных неправедных, фальшивых дел ты состряпал за эти пятнадцать лет службы, скольких невинно убиенных ты лишил последней надежды воззвать к небесам ради отмщения!

Каждое суровое обвинение, срывающееся с уст Лэ Уя, отзывалось в сердцах собравшихся горожан праведным гневом, однако в самом зале заседаний воцарилась гробовая тишина.

Но стоило фразе «воззвать к небесам» разнестись под сводами ямыня, как посреди притихшей толпы зевак раздался оглушительный, восторженный крик:

— Верно!!!

В ту же секунду на площади перед воротами началось форменное столпотворение. Одни принялись громко рукоплескать судье, другие вовсю осыпали проклятиями лежащего коронера, третьи принялись яростно растолковывать суть дела тем соседям, кто туго соображал. Какой-то особо охваченный чувством справедливости горожанин с размаху швырнул из толпы грязную соломенную туфлю. Меткость у бедолаги оказалась отменной: обувка с глухим стуком прилетела точнехонько в макушку несчастного Шан Цзюньцаю.

С каждым услышанным словом лицо коронера становилось все бледнее, теряя последние остатки живых красок.

Он прекрасно расслышал подтекст судейских речей.

Этот пришлый начальник вовсе не просто распекал его за халатность, он планомерно, одно за другим, навешивал на него тягчайшие государственные преступления!

Если он сейчас безропотно примет на себя вину за «множество сфабрикованных за пятнадцать лет дел», то простым увольнением со службы и потерей хлебного места он точно не отделается.

За подобное кощунство и подрыв устоев правосудия в империи полагалась конфискация всего имущества и казнь всего рода до третьего колена!

Коронер теперь не смел даже притворяться, будто лишился чувств. Превозмогая дикую тошноту, головокружение и оглушительный звон в ушах, он с трудом перевернулся на живот и распростерся перед помостом в самом глубоком поклоне, со слезами в голосе истошно завопив:

— Судья! Явите милость! Ваш покорный слуга действительно проявил небрежение и скверно исполнил долг! Но будь у меня хоть трижды мятежная душа и безграничная дерзость, я бы вовек не посмел творить подобное по собственной воле! За моей спиной стоял могущественный человек, который отдавал приказы и сыпал страшными угрозами в адрес моей семьи! Ничтожный раб лишь на миг поддался алчности и сотворил этот страшный грех, но я клянусь всеми предками: я никогда, никогда, никогда не смел умышленно штамповать фальшивые дела ради забавы! Судья, молю, узрите истину!

И в зале заседаний, и за его пределами в один миг воцарилось мертвенное молчание.

Лишь спустя долгую, томительную паузу Лэ Уя издал едва заметный, удивленный возглас:

— А?

— И кто же этот безумец, что обрел столь безграничную наглость, дабы помыкать государственными служащими и сыпать угрозами в адрес судейской канцелярии? Неужто в уезде Наньтинь объявился иной негласный хозяин, который тайно принимает решения вместо Вашего судьи?

Коронер Шан не посмел утаивать правду, однако и выкрикнуть вслух имя почтенного богача Чэня у него не поднялась рука, а потому он туманно вымолвил:

— С угольного рудника «Сяофу»... Люди... Люди оттуда присылали человека с посланием...

Стоило словам «рудник Сяофу» сорваться с его губ, как по рядам горожан прокатился грозный, яростный гул: «О-о-о!»

Лэ Уя слегка повел пальцем в сторону писаря:

— Занося в протокол.

Лишь в этот момент судебный секретарь обнаружил, что от изумления и страха совершенно застыл на месте, а с его кисти на чистый свиток едва не сорвалась жирная клякса.

Он торопливо стер холодный пот со лба и судорожно продолжил выводить иероглифы.

— Угольный рудник «Сяофу»? — Лэ Уя приглушенно рассмеялся. — Коронер Шан, ты что же, принимаешь Вашего судью за пятилетнего несмышленного младенца? Без единой вещественной улики, основываясь лишь на твоих пустых словах, я должен официально выдвинуть обвинение против хозяев рудника «Сяофу»? А ну как завтра ты передумаешь, сменишь показания и примешься клясться перед миром, будто это Ваш судья полгода назад подстрекал тебя на должностной подлог, мне и этим бредням верить прикажешь?

Видя, что если он прямо сейчас не предоставит суду веских доказательств, его жизнь оборвется на плахе, коронер Шан отбросил всякий страх перед прежними хозяевами:

— Судья, узрите истину, ничтожный раб не посмеет лгать! Мое судейское жалованье ничтожно, в месяц выходит не более полуляна серебра. Полгода назад управляющие рудника «Сяофу» вручили мне целых двадцать лянов. Дома у меня осталась восьмидесятилетняя матушка, и я лелеял надежду на эти монеты справить ей к уходу добрый гроб из красного дерева. Но я до смерти испугался, что столь крупная сумма, обьявись она у меня в руках, сразу привлечет ненужное внимание властей, а потому наглухо запер серебро в ивовом сундуке под своей кроватью. Доходы в нашей семье скудные, а потому всякую копейку моя благочестивая супруга привыкла заносить в приходную книгу. Полгода назад она зафиксировала и эту сумму, но в графу «источник дохода» я побоялся прямо вписывать рудник, а велел ей указать лишь имя принесшего деньги — Чэнь Фу-эр. А он не кто иной, как главный счетовод рудника «Сяофу»! Чернила и бумага там полугодовой давности, подлог здесь исключен!

Он истошно взмолился сквозь рыдания:

— Судья зрит аки орел! Все эти годы ваш слуга не щадил сил ради нужд управы! Лишь ради покоя старой матери я на миг ослеп от алчности и пошел против совести, молю вас, господин судья, пощадите...

Вымолвив на одном дыхании эту длинную тираду, несчастный коронер наконец изнемог от дикой боли в раздробленной ноге и окончательно лишился чувств.

Лэ Уя остался совершенно безучастен к его слезам.

Действительно ли Шан Цзюньцай проявил величайшую сыновью почтительность, желая справить матери достойный гроб, или же попросту собирался спустить эти монеты на собственные нужды, для дела не имело ровно никакого значения.

Велев конвойным перенести беспамятного коронера в задние покои и спешно пригласить лекаря для перевязки, Лэ Уя с размаху обрушил колотушку на стол:

— Призвать в зал заседаний супругу коронера Шана, а также изъять из его дома приходную книгу и тот ивовый сундук в качестве вещественных доказательств! Доставить сундук в целости и сохранности, не повредив ни единой щепки!

— Также выписать ордер на арест всех управляющих лиц угольного рудника «Сяофу» и лично счетовода Чэнь Фу-эра ради очной ставки!

Трое самых быстроногих стражников сорвались с места и во весь дух помчались к руднику исполнять приказ.

Угольный рудник «Сяофу» располагался на приличном удалении от городской управы, так что парням предстоял долгий путь.

Тем временем двое других служителей закона поспешили к дому коронера. Строго следуя судейскому указу, они доставили в ямынь напуганную жену Шан Цзюньцая, которая саморучно прижимала к груди плетеный сундучок и связку ключей.

Столкнувшись с такой грозной силой, женщина не посмела отпираться или лукавить, а потому честно и без утайки подтвердила каждое слово своего мужа.

Дрожащими руками она вставила ключ в скважину и со скрипом отворила крышку.

Внутри, обернутый в простой холст с синим цветочным узором, лежал увесистый сверток с монетами. На ткани скопился тонкий слой серой пыли: было видно, что к деньгам не прикасались очень давно.

При пересчете серебра оказалось ровно двадцать лянов, ни монетой больше, ни монетой меньше.

Сама ткань была самой заурядной, да и дарители оказались не настолько глупыми, чтобы вкладывать внутрь записку с текстом «Подношение Шан Цзюньцаю от такого-то числа такого-то года». А потому с первого взгляда доказать причастность рудника к этим деньгам было невозможно.

Лэ Уя в течение нескольких секунд внимательно разглядывал сверток. Затем он велел принести лист чистой белоснежной рисовой бумаги и тонкую, чистую кисть, которой обычно смахивают соринки при вскрытии тел. Короткими, точными движениями он принялся аккуратно обметывать холст прямо над бумагой. И надо же, с ворсинок ткани на белый лист посыпалась мелкая, угольно-черная пыль.

Лэ Уя лучезарно улыбнулся, отложил кисть в сторону, бережно свернул лист с темными крупными и велел слугам запечатать ее в чистый бумажный пакет.

Закончив с этим, Лэ Уя выразительно скользнул взглядом по каплям водяных часов, словно выверенно подсчитывая время в уме.

Завершив мысленные расчеты, он повернулся к своему заместителю Сунь Жу:

— Заместитель Сунь, сколько всего дежурных стражников сейчас находится в стенах управы?

Сунь Жу почтительно склонил голову:

— Поскольку вы, господин судья, изволили вести ночное заседание, в караулке до единого человека собрались все двадцать стражников. Трое ушли с ордером на рудник «Сяофу», двое только что вернулись из дома коронера и ждут ваших указаний в зале. Таким образом, в вашем распоряжении остаются еще пятнадцать дюжих бойцов.

Лэ Уя кивнул:

— Те двое, что доставили сундук, пусть остаются при мне для личных поручений. Оставшимся пятнадцати стражникам немедленно явиться в зал!

Пятнадцать широкоплечих, крепких стражников цепочкой вошли в зал заседаний и в один голос зычно гаркнули:

— Мы здесь!

Лэ Уя выкрикнул:

— Хэ Цинсун!

Хэ Цинсун был именно тем стражником, кто после полудня сопровождал судью при разгоне подпольного игорного притона и лично видел, как Лэ Уя одним точным выстрелом из лука уложил разбойника Гэ Эр-цзы.

Лэ Уя скомандовал:

— Ты пойдешь во главе отряда. Пусть каждый из вас отправится к зданию счетоводства рудника «Сяофу» и наберет там по доброй горсти земли, бережно завернув ее в чистый платок. Заодно захватите с собой в управу пятерых шахтеров с того же рудника.

Лэ Уя действительно умел держать слово: днем он обещал Хэ Цинсуну щедрую награду за верную службу, и стоило им вернуться, как монеты честно перекочевали в карман стражника.

Получив реальное и весомое поощрение, Хэ Цинсун сейчас горел боевым задором. Он отозвался голосом, подобным грому небесному:

— Будет исполнено! Господин судья, а каких именно пятерых рабочих нам следует арестовать?

— Мне нужны те, кто с виду кажется наиболее хлипким и болезненным. Выбирайте из числа пришлых чужаков, у которых нет местной наньтинской речи. И главное, пусть это будут те несчастные, кто прямо в эту самую ночную секунду гнет спину в забое. Вы должны отобрать их лично. Если кто-то из надсмотрщиков рудника попытается сам подсунуть вам конкретных людей, гнать таких взашей и рабочих не брать. Разбейтесь на отряды по три человека в каждом ради взаимного надзора, и пусть каждая тройка доставит в управу по одному шахтеру.

Договорив, он повысил голос, обращаясь к толпе у ворот:

— Если среди почтенных горожан есть желающие воочию понаблюдать за ходом следствия, можете смело отправляться вместе со стражей!

Судебный процесс нынче разворачивался настолько захватывающе и живо, что зеваки стояли буквально затаив дыхание. Услышав призыв судьи, несколько крепких мужиков в толпе даже засучили рукава, порываясь было пойти следом за конвоем.

Однако, пошумев несколько секунд, толпа вновь испуганно притихла.

Это дело в корне отличалось от того, когда Лэ Уя вызывал людей на помост просто поглазеть на кости мертвеца.

О том, какие темные и пугающие дела творятся за высокими заборами рудника «Сяофу», многие местные жители смутно догадывались, но распространяться об этом вслух дураков не было.

А вот совершенно не знавший здешней подноготной гвардеец Цзян Хэ в этот момент окончательно запутался.

Если все они держат путь на один и тот же рудник, с какой стати понадобилось делить людей на два разных отряда и посылать их порознь? Не проще ли было отправить всех разом, ведь так куда сподручнее?

Прежде чем Цзян Хэ успел додуматься до сути этого маневра, восседавший на помосте молодой уездный судья вдруг с мягкой, лукавой улыбкой уставился в упор прямо на него.

— Вот ты, почтенный, — Лэ Уя вытянул руку и указал длинным пальцем прямо на Цзян Хэ. — Не сочти за труд, сделай одолжение Вашему судье, отправься в путь вместе с отрядом, а?

Цзян Хэ:

— ...А?

Цзян Хэ:

— Я?!

Лэ Уя с улыбкой произнес:

— Вот именно. Ты ведь только что стоял в самом первом ряду, а теперь Ваш судья зрит, что в твоей душе горит великое рвение отправиться в путь. Истинный, преданный делу уезда доброволец!

Цзян Хэ лишь удивленно захлопал глазами, так до конца и не разгадав замысел начальника.

...Неужто он и впрямь со стороны казался человеком, который прямо-таки горит желанием бежать на рудник посреди ночи?

Лэ Уя веско, с нажимом добавил:

— Господин купец, сделай милость, ступай вслед за ними да погляди на это зрелище воочию.

Тут Цзян Хэ показалось, что он наконец уловил скрытый намек.

Он послушно и простодушно кивнул:

— Хорошо.

Группа стражников грозной лавиной хлынула из ворот управы, мгновенно растворившись в густой ночной темени.

Цзян Хэ неторопливо зашагал в самом конце отряда. Первым делом он завернул на конюшню постоянного двора неподалеку от ямыня, дабы вывести своего боевого коня, и аккуратно извлек из седельной сумки длинный, узкий сверток, обернутый в серую холстину. Окинув бдительным взором пустынную улочку, он слегка прикусил нижнюю губу и издал тихий, едва различимый свист.

В ту же секунду из чернильной тени соседнего переулочка бесшумной лаской сооткался силуэт гвардейца:

— Цзян-гэ, какие будут приказания?

— Отправь еще одного нашего человека в зал заседаний. Пусть слушает процесс от начала до конца и запоминает каждую деталь, не упуская ни единого слова. И немедленно доложи обо всем обоим молодым господам. Передай им, что уездный судья Вэньжэнь лично поручил мне исполнить для него одно дельце.

Гвардеец на мгновение опешил:

— Но ведь наш долг — служить исключительно молодым князьям! С какой стати этот мелкий чинуша смеет помыкать вами и отправлять на побегушки?

Он проглотил и не озвучил вторую половину фразы: «...И с чего бы это вдруг вы безропотно согласились подчиниться его воле?»

Цзян Хэ устремил взор на сияющую в поднебесье бледную луну, бережно прижимая длинный серый сверток к груди.

Перед посторонними он всегда сохранял ледяное, бесстрастное выражение лица, отчего казалось, будто он полностью контролирует ситуацию и зрит суть вещей наперед:

— Исполни.

На самом же деле в глубине души он и сам понятия не имел, по какой причине этот Вэньжэнь Юэ умудрился настолько естественно и по-хозяйски припахать его к делу.

Неужто он где-то допустил промашку и выдал свою купеческую маскировку? Или невзначай проявил повадки человека, искушенного в боевых искусствах?

Молодой генерал Лэ в свое время частенько говаривал ему: «Усердие способно восполнить любой недостаток ума».

А потому, размеренно шагая вперед, гвардеец всю дорогу дотошно анализировал собственное поведение, пытаясь нащупать, в каком месте он выдал себя с головой.

Ночной мрак сгущался все сильнее. Пока Цзян Хэ неторопливо шествовал следом за отрядом, обнимая ладонями спрятанный в холст клинок, его зоркий взгляд приметил, как один из стражников начал планомерно замедлять шаг, незаметно смещаясь в самый хвост колонны.

В какой-то момент этот служащий и вовсе присел на корточки, делая вид, будто у него расшнуровалась обувь. Он возился нарочито долго и медленно, провожая глазами спины остальных полутора десятков товарищей, уходивших вперед по тракту.

Убедившись, что его маневр остался незамеченным, оставший стражник довольно ухмыльнулся и уже вознамерился вскочить на ноги, как вдруг прямо за его спиной, точно призрачный шелест, раздался тихий голос:

— Поспешай за остальными.

Намеренный сбежать ради предупреждения хозяев рудника стражник: ?

Он резко обернулся и нос к носу столкнулся с невысоким Цзян Хэ, который по-прежнему сохранял скромный вид заезжего торговца.

Цзян Хэ ровно продолжил:

— Господин судья ведь велел вам всем...

Стражник до смерти испугался, что этот пришлый купец своим криком привлечет внимание ушедшего вперед отряда, а потому поспешно перешел на зловещий, приглушенный шепот:

— Жить надоело, тварь?! Пошел вон отсюда!

Вымолвив это, он с размаху вытянул руку и мертвой хваткой обвил шею Цзян Хэ, намереваясь силой пригвоздить его голову к земле, оттащить наглого торговца в кусты и там приструнить, дабы не путался под ногами.

Но в следующую долю секунды перед его глазами полыхнуло леденящее белое сияние.

Подобно чистому горному снегу, острое, как бритва, стальное лезвие бесшумно выскользнуло из серого холщового свертка и замерло ровно в палец от сонной артерии стражника.

Цзян Хэ не стал тратить время на пустые разговоры. Выражение его лица ни капли не изменилось, на нем по-прежнему читалось лишь искреннее, неподдельное недоумение:

— Ступай за отрядом.

Служащий оцепенел от ужаса на несколько секунд, после чего резко развернулся и во весь дух помчался догонять ушедшую колонну, точно за ним гнались все демоны преисподней.

Цзян Хэ со свистом убрал клинок обратно в ножны и как ни в чем не бывало продолжил следовать за конвоем, удерживая прежнюю дистанцию.

Когда они преодолели уже добрую половину пути, чуткие уши гвардейца едва заметно дернулись, уловив впереди подозрительный шум.

Выждав мгновение, он сделал несколько стремительных, размашистых шагов вперед.

Шествовавший во главе отряда Хэ Цинсун внезапно почувствовал, как ему в затылок плеснуло резким порывом холодного ветра. Он обернулся и вздрогнул, обнаружив прямо перед своим носом абсолютно лишенное эмоций, застывшее лицо Цзян Хэ.

Хэ Цинсун:

— Матушка пресвятая!

Однако не успел он набрать в грудь воздуха, дабы излить на наглого купца весь свой праведный гнев, как Цзян Хэ негромко, но властно скомандовал:

— Всем немедленно укрыться вон в том темном переулке.

От неожиданности и властности этого тона Хэ Цинсун напрочь позабыл о своем намерении устроить взбучку.

На самом деле он и сам всю дорогу ломал голову: они ведь отправились исполнять официальное государственное поручение, с какой стати уездному судье понадобилось приставлять к ним обычного простолюдина из числа заезжих торговцев?

Облик этого человека был весьма примечателен, в нем с первого взгляда угадывался чужак, не имевший отношения к наньтинским землям. И при этом парень выдавал столь поразительное рвение, а сам уездный начальник уже не раз и не два лично выкликал его из толпы...

Мелкие канцеляристы и стражники в провинциях превыше всего владели искусством читать знаки судьбы и предугадывать перемену ветра в верхах.

Еще вчера их судья Вэньжэнь Юэ казался безвольной марионеткой, которую заместитель Сунь Жу зажимал в угол так, что тот и дышать не смел. Каким же образом этот хлипкий барин умудрился всего за один-единственный день полностью перевернуть доску, обрести сокрушительную, грозную силу, разогнать игорный дом, извлечь останки из могилы и учинить грандиозный ночной процесс?

Неужто этот хитрый лис... попросту долгие месяцы выжидал идеального момента, дабы нанести один смертельный удар?

Подумав об этом, Хэ Цинсун вмиг переменился в лице, а его взгляд на идущего рядом «купца» наполнился глубоким почтением.

Раз начальник велел этому человеку следовать за ними, в этом решении совершенно точно крылся великий, тайный умысел!

Хэ Цинсун резко взмахнул рукой, подавая знак отряду.

Среди всех пятнадцати стражников он был самым старшим по возрасту и обладал непререкаемым авторитетом, а потому его приказы подчиненные исполняли беспрекословно и без лишних расспросов.

Весь отряд бесшумно скользнул под своды глухого темного переулка. И стоило им затаиться в тишине, как спустя время, необходимое для того, чтобы заварилась одна чашка чая, до их ушей донесся отчетливый, мерный перестук кованых сапог по дорожным камням.

Первая группа стражников, отправленная на рудник «Сяофу» за управляющими, как раз быстрым шагом шла по главной улице.

Хэ Цинсун невольно изумился: он сам до этого не слышал вообще никаких шагов, а этот приезжий умудрился почуять их заранее и велел всем укрыться?

Едва те отошли на приличное расстояние, Хэ Цинсун шепотом спросил Цзян Хэ:

— Зачем мы от них спрятались?

Цзян Хэ не стал объяснять:

— Идем.

Видя, что купец держит язык за зубами, стражник проявил благоразумие и больше не докучал расспросами.

На самом деле, узнай Хэ Цинсун подлинную причину, по которой Цзян Хэ отказался отвечать, он бы наверняка рухнул на месте со смеху.

...Ведь Цзян Хэ и сам понятия не имел.

Просто его звериное чутье было развито куда лучше, чем у остальных, и внутренний голос подсказал, что разминуться с первой группой будет гораздо правильнее.

Когда отзвуки шагов окончательно растаяли в ночи, отряд покинул укрытие и продолжил путь.

Цзян Хэ по-прежнему неторопливо шагал в самом хвосте колонны.

Отмерив еще две сотни шагов, гвардеец резко замер, уставившись в пустоту перед собой, и вдруг понимающе кивнул:

— Ах...

Уездный судья Вэньжэнь первым делом выслал отряд, дабы под корень изъять с рудника все тамошнее начальство и тех, кто способен принимать решения.

И когда их, вторую группу, принесет на шахты, рудник уже останется без своего главного ядра. Разве не логично, что без хозяйского присмотра их последующие действия и допрос рабочих пройдут как по маслу?

Разобравшись наконец с этой загадкой, его вечно каменное, суровое лицо слегка расслабилось.

Однако следующий вопрос, возникший в голове, заставил его вновь помрачнеть и принять серьезный вид.

С какой стати он вообще беспрекословно слушается этого чиновника?

Все выглядело так... словно это было в порядке вещей.

<http://bllate.org/book/18193/1989846>